

ЯН БАРЩЕВСКИЙ

*Шляхтич Завальня,
или
Беларусь в фантастических
повествованиях*

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 82-31
ББК 84(4Пол)5
Б26

JAN BARSZCZEWSKI
Szlachcic Zawalnia
czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach
1844–1846

*Перевод с польского, комментарии, послесловие
Д. О. Виноходова*

Барщевский Я.

Б26 Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастичных повествованиях : [роман] / Ян Барщевский ; [пер. с польск., коммент., послесл. Д. О. Виноходова, илл. Р. К. Жуковско-го]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 413 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-03475-5

Книга «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастичных повествованиях» впервые была опубликована на польском языке в Санкт-Петербурге четырьмя небольшими томиком в 1844–1846 годах. Произведение написано под очевидным влиянием белорусского народного фольклора. Я. Барщевский использовал сюжеты сказок и легенд «дикого северного края Беларуси». По сюжету, в лесной глуши, на берегу большого озера живет старый шляхтич пан Завальня. В зимнюю пору мимо его дома пролегает санный путь, и выюжными ночами заплутавшие путники частенько останавливаются у него на ночлег. За прием да ласку каждый из них благодарит гостеприимного хозяина какой-нибудь историей: про огненного змея иль волколака, черную книгу иль волшебный посох, кричащие волосы иль жабер-траву. Была бы только сказка пострашнее да позанимательней.

УДК 82-31
ББК 84(4Пол)5

© Виноходов Д. О., перевод на русский язык, комментарии, послесловие, 2020

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

ISBN 978-5-517-03475-5

Несколько слов от автора

Среди белорусского народа ещё и ныне сохраняются отдельные предания давних времён, которые, переходя из уст в уста, стали такими же туманными, как и мифология древних народов. Жители этого края — Полоцкого, Невельского и Себежского поветов^{*1}, — бедствуя с незапамятных времён, совсем изменились в характере; их облик всегда несёт отпечаток тоски и унылой задумчивости. В их фантазиях всё время блуждают недобрые духи, которые служат злым панам, чаровникам^{**} и прочим их недругам.

Я родился там и вырос, их сетования и печальные повествования, как шум диких лесов, всегда навевали на меня сумрачные думы и с детства были моей единственной мечтой.

^{*} *Пове́т* — уезд. — Здесь и далее примечания переводчика, за исключением авторских, помеченных особо. Цифрами у верхнего края шрифта помечены места, к которым имеются комментарии переводчика, помещенные в конце книги, на с. 359–383.

^{**} *Чаровні́к* — колдун, кудесник.

Некоторые из воспоминаний моей родины я описал в балладах², то были напевы моего уединения. В балладах я подступился к тому, о чём намеревался затем поведать подробнее. Это в природе человека: от песен мы переходим к повествованию о том, что нас больше всего занимает. Должны выйти шесть³ томиков с рассказами, в которых изображены в основном места Северной Беларуси, ибо этот уголок земли всегда пробуждает во мне самые милые воспоминания.

Я не перенимаю форм, которые использовали английские, немецкие или французские писатели; думаю, что чужеземный наряд будет не к лицу жителю Беларуси, ибо чужда ему болтливость иных народов. Форму я взял у самой природы. Сирота каждый день ропщет на свою злую судьбу, рассказывает про страдания, которые вынужден терпеть на этом свете, и все его жалобы на протяжении жизни сливаются в единую повесть, хоть и не думал он сегодня о том, что станет рассказывать завтра.

Ян Барщевский
Петербург, 1844, 8 сентября

КНИГА ПЕРВАЯ

Очерк Северной Беларуси

Тот, кто держит путь с севера в сторону Беларуси, видит перед собой большие сёла наподобие местечек*, белокаменные церкви⁴ и каменёцы** имений, обширные засеянные поля, кое-где небольшие сосновые боры или берёзовые рощи. Нередко слышит он протяжную и звучную песню крестьянина, которая далеко, насколько хватает глаз, разносится по полям, или мелодию пастушьего рожка, оглашающую горы и долины. В воскресные дни, когда солнце приближается к закату, встречает он деревенских девчат в праздничных ситцевых, а иногда и в шёлковых сарафанах, их сопровождают парни-ухажёры. Распевая народные песни, водят они хороводы, а старики сидят на завалинках, рассуждая про минувшие и нынешние времена...

Но когда путник приближается к границам Себежа и Невеля, то видит вдали перед собой раз-

* *Местечко* — большое селение, находящееся в собственности помещика, монастыря или церкви.

** Так тамошний люд называет каменные дома в имениях. — *Авт.*

дольные тёмные боры, похожие на тучи, нависшие на горизонте, меж лесов — соломенные крыши домов бедных селян. Кое-где взор его встречает торчащий меж сосен железный крест покрытой мхом часовенки, перед дверями которой на двух сосновых столбах висят два либо три колокола; поодаль разбросаны могильные кресты и камни. Редко набредёшь там на добротный построенный панский дом; немного и церквей таких, в которых были бы заметны вкус архитектора или щедрость богатого основателя; и этот угрюмый и дикий пейзаж, начинаясь от реки Ловать, простирается до берегов Двины, где кончаются Полота и Дрисса.

На всём этом пространстве узкие каменистые дороги пересекают гористые места и, огибая дикие берега озёр, скрываются в борах. В убогих деревнях и в праздничные дни, и в будни — всегда царит какая-то понурая тишина; редко послышится песня жнеца или пахаря, и по этому напеву легко понять его тревожные думы, ибо неурожай здесь часто губит надежды трудолюбивого земледельца...

В этих краях прошли мои детские годы. Здесь, расставшись со своими юными товарищами по Полоцкой академии⁵, не имея при себе иных книг, кроме сочинений нескольких латинских и греческих классиков, бродил я в приятных грёзах где-нибудь в тёмном бору или по безлюдному берегу озера; любил читать книгу природы, когда вечерней порой в вышине открываются страницы, на которых миллионами ярких звёзд написано всемогущество Божие. На земле, покрытой бесчисленными растениями и тварями, читал я о милосердии